

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022030075

Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе

В.О. Козлов

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)

121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

А. Баяк

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0003-4043-253X e-mail: abajak@hse.ru

Резюме: Политический дискурс является неотъемлемой частью общественно-политических отношений, формирует и определяет сложную языковую единицу, знаний и действий. Яростная антикитайская риторика Трампа явно сместила границы репрезентации Китая во внешнеполитическом дискурсе США. Тем не менее, причинно-следственная связь между влиянием Трампа и репрезентацией Китая находится за рамками данного исследования, поскольку существует множество других факторов. В статье основное внимание уделяется тому, как произошли те изменения в дискурсе Конгресса, вслед за которыми было принято множество законов и как была институционализирована особая антагонистическая политическая позиция в отношении Китая. Свидетельством этого является то, что, вопреки многим прогнозам, внешнеполитическая повестка Байдена на 2021–2022 гг. находится в этих рамках. Количественный контент-анализ выявил основные координационные центры и ключевые ценностные концепции изменений в представлениях о Китае в Конгрессе. Анализ указал, что ключевая тенденция заключается в идеологизации дискурса Конгресса в отношении Китая. Несмотря на то что Пекин уже подвергался критике Конгресса как нецивилизованный актер международных отношений, эта критика теперь основана на бинарном антагонизме, как во время холодной войны. Китай выступает главной угрозой «свободного мира». Делается вывод о том, что формирующаяся идеологическая структура реконструирует смысл соперничества между США и Китаем в манихейских терминах противоположных ценностей и игры с нулевой суммой. Это противостояние имеет беспрецедентный характер.

Ключевые слова: США, Китай, права человека, дискурс-анализ, внешняя политика США

Для цитирования: Козлов В.О., Баяк А. Идеологизация внешнеполитического дискурса Конгресса США по Китаю при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (3):112-126. DOI: 10.31857/S2686673022030075

Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump

V.O. Kozlov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),

17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

A. Bajak

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),

17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation. ORCID:

ORCID: 0000-0003-4043-253X e-mail: abajak@hse.ru

Abstract: Political discourse is an integral part of socio-political relations, forms and defines a complex linguistic unit, knowledge and actions. Trump's vehement anti-China rhetoric manifestly shifted the limits of China's representation in US foreign policy discourse in general. However, the causal relationship between Trump's agency and China's representations is not investigated since there are a multitude of factors at play. Rather, in present study the focus is on how those changes in the Congressional discourse occurred that bred multiple legislations and, as it is argued later, institutionalized a particular antagonistic policy stance towards China. A testimony of this is that, contrary to many projections, Biden's 2021-22 foreign policy agenda follows this discursive framework. The quantitative content analysis identified the main focal points and the pivotal value-laden concepts of the discursive change in Congressional representations of China. The analysis further pointed out that the key tendency is the ideologization of Congressional discourse on China. Although China was criticized in Congress during former administrations as an unfair or uncivilized player or actor, now this criticism manifests in antagonistic Cold war binaries, with the centrality of 'freedom' and Communist China being the main threat to it. The analysis concludes that the emerging ideological framework reconstruct the meaning of the competition between the US and China in Manichean terms of anti-thetical values and zero-sum game, which has unprecedented since the end of Cold war.

Key words: United States, China, human rights, discourse, foreign policy

For citation: Kozlov V.O., Bajak A. Ideologization of US Congress Foreign Policy Discourse on China under Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (3): 112-126. DOI: 10.31857/S2686673022030075

ВВЕДЕНИЕ

Исторически Конгресс занимает жёсткую позицию по отношению к Китаю, однако его роль была второстепенной по сравнению с президентской администрацией. Такое положение изменилось при Дональде Трампе. Новый радикальный антикитайский вектор внешней политики получил поддержку обеих партий. Антикитайская риторика Трампа совпадала с настроениями Конгресса. Наиболее заметной темой стали «права человека». Период администрации

Трампа стал переломным в восприятии Китая в американских дискурсах. Причина заключалась не только во внутривнутриполитических процессах в США, но и в значительном усилении Китая, пошатнувшего американское экономическое и политическое лидерство в мире. Это вызвало необходимость создавать дипломатические рычаги давления на Китай при помощи политических дискурсов, формируемых Конгрессом США. Перед США возникла необходимость использовать свой образ стража либеральных ценностей и демократии и идеологизировать внешнеполитический подход в отношении Китая, противопоставив себя «неправильным» коммунистическим ценностям.

Проследить этот процесс можно при помощи рассмотрения дебатов в Конгрессе. Оно опирается на качественный контент-анализ, проведённый для определения наиболее частых вопросов в Конгрессе, связанных с Китаем. Количественный контент-анализ помог выявить изменения в номинациях и предикации, а это первый шаг следующего углублённого анализа дискурсивной практики. Исследование такой практики было разработано Р. Доти и Р. Милликеном и использовалось и совершенствовалось Л. Хансеном и другими на основе постструктуралистской теории дискурса [Doty, R., 1993., Hansen, L., 2006]. Количественный контент-анализ состоит из трёх основных этапов. Во-первых, предикатный анализ, который исследует, как субъекты номинируются, и изображаются, другими словами, какие качества им приписываются. Во-вторых, он рассматривает лежащие в основе предположения о субъектах/объектах, составляющие базовое знание, на основе которого строится их значение. Этот анализ имеет сходство с археологическим методом М.Фуко, который помогает раскопать «покорённые знания». Третий шаг заключается в деконструкции бинарных оппозиций и установлении иерархий в объектном пространстве дискурса [Foucault, M., 1972, 1996].

АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ И ПРЕДИКАТОВ КИТАЯ И США

Изучение наименований и предикатов играет важную роль в выявлении репрезентативной практики и её изменении с течением времени. По Конфуцию, «если имена не верны, то язык не соответствует истине вещей. Если язык не соответствует истине вещей, дела не могут быть доведены до успеха» [Confucius]. Эта цитата одного из отцов-основателей китайской цивилизации наиболее точно резюмирует в двух словах неотъемлемую часть головоломки, с которой сталкиваются США в отношении Китая в XXI веке. С самого начала возобновления дипломатических отношений между США и КНР правильное название Китая было одним из самых спорных вопросов в Конгрессе США. История присвоения Китаю определённого статуса и ярлыков показывает, что представления Вашингтона отражают и конституируют их политику в отношении Китая и имеют глубокие и далеко идущие последствия для двусторонних отношений. Изначально акцент был сделан на экономические, в частности на торговые взаимосвязи.

С одной стороны, президенты от Клинтона до Обамы, как правило, проводили благоприятный курс в отношении Китая, используя это в качестве рычага при заключении сделок и получении более широкого доступа к китайским рынкам и инвестициям. Сначала Китай был наделён «статусом нормальных торговых отношений» (НТО), а затем «статусом наиболее благоприятствуемой страны» (НФН), которые в конечном счёте были заменены «статусом постоянных нормальных торговых отношений» (ПНТО). Все эти статусы были центральными в отношениях с Китаем как экономическим партнёром. Поскольку экономический рост Китая продолжался в течение 1990-х годов, и Китай был принят во Всемирную торговую организацию (ВТО), Соединённые Штаты столкнулись с проблемой интеграции Пекина в либеральный международный порядок. В начале XXI века, чтобы застраховаться от рисков, связанных с подъёмом Китая, и сохранить при этом торговые отношения с ним, США разработали стратегию, основанную на слиянии политики сдерживания и вовлечения. В результате администрации Буша и Обамы назвали Китай «ответственным игроком» в международной системе, которую возглавляют США [1]. Это объяснялось тем, что растущие возможности Китая позволяют ему принимать участие в решении глобальных проблем, таких как война с терроризмом, изменение климата и т.д. Таким образом, руководители Белого дома ожидали, что Китай примет сценарий либеральных международных институтов и станет более демократической страной.

С другой стороны, Конгресс был менее оптимистичен и не испытывал иллюзий по поводу перехода Китая к демократии и либеральной экономике [Mearsheimer, J., 2018; Ikenberry, J., 2012]. Между Конгрессом и администрацией велись дебаты по двум основным направлениям. Первое было связано с возобновлением НФН – статуса Китая, связанным с его улучшениями в области прав человека. Лоббистские группы оказывали давление на президента, чтобы устранить ограничения прав человека в торговле с Китаем. Это рассматривалось как беспроигрышный вариант и для деловых кругов, и для президента. В дипломатии США в отношении Китая фактор прав человека был явным препятствием, поэтому, чем большее давление США оказывали на Китай по связанным с ними вопросам, тем менее благоприятные условия Китай предлагал американскому бизнесу [Foot, R., 2001]. В результате слияния интересов бизнеса и интересов администрации Клинтон вынес статус НФН Китая за рамки поправки о правах человека 1996 года к закону «О торговле» 1974 года. Вторым спорным вопросом было навешивание на Китай ярлыка валютного манипулятора из-за девальвации китайской валюты и установления постоянного курса юаня. Хотя многочисленные законопроекты были приняты через Палату представителей и через Сенат, президенты в конечном счёте использовали своё вето, утверждая, что именование Китая валютным манипулятором только негативно повлияет на позицию США в переговорах с Китаем о более выгодных условиях торговли [Nymalm, N., 2013].

Изменения произошли во время президентства Дональда Трампа, который в ходе предвыборной кампании обещал вести торговую войну против Китая и называл его валютным манипулятором. Обещания Трампа санкций в отношении Китая соответствовали накопленному недовольству Конгресса США, связанными с несправедливыми торговыми практиками Пекина валютными манипуляциями, нарушениями международного права и обязательств по соглашениям, кражей интеллектуальной собственности и шпионажем.

Трамп, избранный на пост президента в 2016 г., стал маяком надежды для тех американцев и их союзников, которые желали, чтобы Пекин был должным образом наказан. И чтобы сделать это, Китай нужно было сначала правильно обозначить. Президентство Трампа оказалось действительно революционным, так как он смог вызвать резкие изменения, порвав с традиционными подходами к Китаю [Новиков, Д.П., 2018]. Трамп сменил гегемонистский дискурс о Пекине как экономическом партнёре на дискурс о главном стратегическом конкуренте. В дальнейшем анатомия данного сложившегося при Трампе антикитайского настроения в истеблишменте будет определять возможности для корректировки курса размежевания США и Китая при администрации Дж. Байдена [Бочарова, А.П., Козлов, В. О., 2021:8].

База документов для анализа включает в себя выделенные пассажи по Китаю из каждого выпуска Записей Конгресса в период с 01.01.2015 до 31.01.2020 и имеет общий объём в 525 160 слов [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Контент-анализ протоколов Конгресса показал растущее значение вопросов, связанных с Китаем. Частота упоминания одного только слова «Китай» удваивалось в течение трёх лет подряд, с 513 до 983 в 2016–2017 г., с 983 до 1634 в 2017–2018, с 1634 до 3098 в 2018–2019 г, причём 2015 и 2016 годы (871) близки друг к другу, а 2019 и 2020 годы (3 098) практически равны. Аналогичное увеличение задокументировано в течение тех же лет в использовании термина «китайский» с удвоением между 2016 и 2017 годами (со 127 до 276) и между 2017 и 2018 годами (с 267 до 508) соответственно. В обоих случаях мы видим четырёхкратное увеличение между 2015/2016 и 2019/2020 годами. Всплеск интересов Конгресса к вопросам Китая указывает на растущие последствия американо-китайских отношений на население страны. Если до 2017 г. со времён Р. Никсона формирование политики США в отношении Китая было исключительной прерогативой Белого дома, то теперь возросла роль Конгресса.

Наиболее примечательной тенденцией с начала президентской кампании Трампа является идеологизация дискурса о Китае. Значительно возросло число эпитетов «диктаторский», «тоталитарный», «авторитарный» и их производных по отношению к КНР. С 2015 г. употребление таких терминов, как «коммунистический Китай», «коммунистическое правительство Китая», «Коммунистическая партия Китая» увеличилось в 10–20 раз. Уменьшилось также первоначальное различие между Коммунистической партией и коммунистическим прави-

тельством, а между китайским правительством/коммунистическим правительством (Китай) и китайским народом оно увеличилось. Другими словами, происходит трансформация китайского правительства в коммунистическую партию. Часть этой трансформации определяется в использовании образа Си Цзиньпина в качестве главной фигуры Китая. Подчёркивается тоталитаризм Китая, основанный на партийном правлении и в упрощённом виде на правлении лидера КПК. Титул президента Си Цзиньпина либо перестаёт использоваться, либо трансформируется в титул генерального секретаря – «генеральный секретарь Си Цзиньпин», «генеральный секретарь Си», «генеральный секретарь Коммунистической партии».

Утверждение в американских дискурсах Китая как коммунистической страны, которая, кроме того, является главным соперником США, имеет первостепенное значение, поскольку это несёт глубокие последствия для характера и структуры американо-китайских отношений. С точки зрения политики, чёткое обозначение проблемы определяет политический курс, которому необходимо следовать для её решения. Превращение Китая в коммунистического Другого, будь то «Китайское коммунистическое правительство» или «Партия», не только усиливают разногласия между США и Китаем, но и углубляют укоренившуюся враждебность по отношению к коммунизму, присущую американскому послевоенному сознанию. Идеологизация в терминах бинарности: «США и свободный мир» против «коммунистического Китая» предвещает возвращение эпохи холодной войны.

В свою очередь, менталитет холодной войны является жизнеспособной и удобной бинарной структурой для США, чтобы интерпретировать предполагаемые внешние угрозы и проводить внешнюю политику соответствующим образом. Появление этих бинарных оппозиций холодной войны становится также более заметным в дискурсе о Китае. Эта тенденция соответствует точке зрения о том, что США ведут одностороннюю холодную войну, чтобы поддержать свой статус глобального лидера. Делая акцент на коммунистической угрозе, США пытаются компенсировать ухудшающийся имидж своей либеральной демократии как модели для подражания всему миру [Караганов, С.А., 2018]. «Свобода» и «права человека», которые в понимании США включают в себя фундаментальные гражданские и политические свободы и маргинализируют или даже полностью исключают социальные, экономические и культурные права, обсуждаются в Конгрессе во время дискуссий о Китае. Количество упоминаний о «свободе» с 2015 г. по 2019 г. выросло в 5 раз. Рамки холодной войны порождают манихейский дуализм во всём мире, предполагают его разделение на демократический свободный мир, который изображается либерально-капиталистическим, процветающим, современным и светлым по сравнению с тёмным коммунистическим режимом, который представлен как всё противоположное – авторитарное, тоталитарное, злое, аморальное, варварское, репрессивное. Китайская экономическая система считается извращённой, скомпрометированной версией капита-

лизма, чуждой «свободному и цивилизованному миру», то есть либеральным демократиям.

Аналогия с холодной войной заключается в том, чтобы представить американо-китайские отношения как соревнование за влияние на мир. Оно исторически состояло из идеологической, технологической и геополитической конкуренции. Наиболее важным отличием нынешнего американо-китайского соперничества является его экономическое измерение, а не военное по сравнению с гонкой вооружений с Советским Союзом. С момента зарождения дипломатических отношений между США и Китаем они были в первую очередь экономическими конкурентами. И, как показывает анализ, предыдущие администрации (Клинтона, Буша и Обамы) молчали об идеологических различиях и противоречиях демократической и либеральной системы ценностей и китайского социализма/коммунизма. Эти несоответствия были отложены в сторону, так как они могли стать препятствием расширению торгово-экономических отношений. Однако по мере того, как конкуренция становилась всё более геополитической, она в значительной степени идеологизировалась. Геополитическое соревнование отражается в росте употребления терминов, связанных с пространством и доминированием, контролем над пространством. Употребление слова «глобальный» увеличилось с 33 до 177, а «мировой» со 128 до 603. Что касается «доминирования», то в 2015, 2016, 2017 гг. оно упоминалось менее десяти раз. В 2019 и 2020 гг. число его упоминаний выросло до 45 и 46 раз соответственно. Важный аспект этого роста заключается в том, что речь идёт не о доминировании США, как это было до 2015 г. включительно, а о доминировании Китая.

Количественный контент-анализ показал, что Конгресс США представляет мир как место, где великие державы, например Китай, стремятся получить господство в результате геополитической борьбы. Соперничество включает в себя, прежде всего, технологическое и экономическое измерения. Конфликт представлен идеологически, что приводит к тому, что структурирование международного пространства приобретает более идеологизированный характер. Другими словами, «свобода» является чертой, которая разделяет мир на США и свободные, или, как иногда называют, «свободолюбивые страны» и Китай и его диктаторских, авторитарных друзей и стран, которые Китай эксплуатирует и потенциально поработщает. Репрезентативные практики, превращая Китай в коммунистического противника, являются основой нового идеологизированного внешнеполитического дискурса США о Китае.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ДЕБАТОВ КОНГРЕССА США ПО КИТАЮ 2015–2017 гг.

В следующем исследовании анализируется дискурс Конгресса с целью выявить, как Китай радикализировался в качестве коммунистического «другого» между 2015 и 2021 годами. Излагая анализ представлений о Китае как о комму-

нистическом государстве, следует отметить, что эпитет «коммунист» почти не использовался в 2015–2017 гг., особенно если рассматривать вопросы, связанные с внешней политикой. В 2015 г. Китай представлен как коммунистический в критике внутренней политики США, тогда как в отношении внешней политики это делается, в частности, при описании ситуации по правам человека.

Внутренняя критика использует термин «коммунистический Китай», чтобы усилить серьёзность проблем в политике США, указывающей на разрыв между реальностью и идентичностью США как лидера современного мира. США сравнивают с «коммунистическим авторитарным обществом в Китае», с «Китаем, авторитарной коммунистической страной», «коммунистической авторитарной страной» по социальным проблемам: «Как получилось, что эта великая нация имеет больше людей в тюрьме, чем любая другая страна, и гораздо больше, чем коммунистическое, авторитарное общество в Китае, стране, которая в 4 раза больше нашего размера?» [2]. Или, когда США «пренебрегают» американской промышленностью, это подразумевает, что они делают то, что не должны делать: «Мы импортируем песок и гравий прямо сейчас из Китая. Мы получаем нашу совокупность прямо сейчас от коммунистического Китая» [2]. Иногда Китай даже не выделяют, подчеркивая, что использование коммунистов является сдерживающим фактором для США, а не конкретно характеризует поведение Китая: «Коммунистические диктатуры, такие как Китай и Северная Корея. Только семь стран разрешают селективные аборты после 20 недель, включая коммунистические диктатуры, такие как Китай и Северная Корея, которые также навязывают принудительные аборты и стерилизацию своим людям» [3].

Когда дело доходит до внешнеполитической критики, возникают аргументы о том, что США недостаточно делают для соблюдения прав человека в мире и в Китае, в частности, и о том, что США ставят экономические выгоды выше своих ценностей. Зачастую в критике Китая партия или правительство отделены от страны и нации в целом. Утверждается, что неправильные поступки делаются «Китайским правительством и Коммунистической партией», «Коммунистической партией в Пекине» или «Коммунистическим правительством в Китае», «Китайскими диктаторами в Пекине» и «Коммунистическими китайцами» [3].

США обвиняются в бездействии, с точки зрения предоставления Китаю сфер влияния. «Почему мы действуем так глупо? Пакистанцы даже отдают свои ресурсы коммунистическому Китаю, порт Гвадар» и контроль над критически важными морскими путями: «Китай, конечно, является страной, управляемой коммунистами. Неизвестно, что Китай может сделать и что произойдёт с мировой экономикой, если Китай будет настаивать на контроле над морскими путями. Становится ли Китай похожим на старых берберийских пиратов, которые контролировали Средиземное море?» [2]. Коммунисты неявно считаются опасными, поэтому США не должны позволить Китаю расширить сферы своего влияния.

Что касается критиков внешней политики США, то наиболее важным является то, что Вашингтон закрывает глаза на бесчеловечное обращение коммунистического Китая с политическими или демократическими активистами, этническими и религиозными меньшинствами. Правительство Китая и Коммунистическая партия связаны с геноцидом в отношении тибетцев: «На родине Далай-ламы более 140 тибетцев сожгли себя в знак протеста против угнетения со стороны китайского правительства и яростной кампании Коммунистической партии Китая против изгнанных тибетских верующих; тем не менее, народ Тибета упорствует. Они упорствуют мирно» [2]. Характерно создание дихотомии жестоких коммунистов и мирных свободолюбивых меньшинств.

Накануне выборов в 2016 году Конгресс довольно скудно представлял Китай как коммунистическую страну: из почти 550 упоминаний о Китае в контексте его «коммунистических» черт он упоминался только один раз: «Единственная причина, по которой Тайвань исключён из международных организаций, — это постоянная оппозиция коммунистического правительства материкового Китая» [2]. Кроме того, исторические параллели с Советским Союзом подтверждают нарратив об идеологических различиях экономического сотрудничества. «Я напомнил своим коллегам-республиканцам, что Джон Кеннеди вёл переговоры с Советским Союзом во время Карибского кризиса, спасая нас от ядерной войны. Я напомнил им, что Ричард Никсон вёл переговоры с китайцами о нормализации отношений, даже когда коммунистический режим в Китае предоставлял оружие северным вьетнамцам, которые использовали его против американских солдат. Я, конечно, напомнил им, что Рональд Рейган вёл переговоры с Советами, в то время как коммунистическая страна имела тысячи ядерных боеголовок, направленных на Соединённые Штаты, оккупировала Восточную Европу и поддерживала проблемные режимы по всему миру» [2]. Китай по-прежнему является лишь одним из репрессивных режимов наряду с другими: «Огромное количество политических заключённых, удерживаемых репрессивными режимами, является отрезвляющим напоминанием о том, сколько работы осталось для защиты основных прав человека и продвижения демократических ценностей. От Кубы до Китая, от Турции до Саудовской Аравии люди страдают за осуществление свобод, которые дал им наш Создатель <...> Сегодня Китай является одной из самых репрессивных стран во всём мире» [2]. Здесь Китай пока ещё не в центре внимания, а лишь упоминается как одна из ряда репрессивных стран.

2017 год отмечен тревожным усилением партийного контроля над законодательством и деловыми связями Трампа с Коммунистической партией. Критика Трампа выходит за рамки его предполагаемых связей с Китаем, его обвиняют как президента, который не выполняет свои предвыборные обещания, например, когда он называл Китай валютным манипулятором [6]. Однако в адрес Коммунистической партии всё ещё присущ мягкий и доброжелательный тон: «Лидер Коммунистической партии, президент Си, представляет себя и как че-

ловека добродетели и как человека доминирования. На самом деле, журнал “Экономист” недавно назвал его самым влиятельным человеком в мире» [3]. Более того, действия Китая против меньшинств эфемизируются, например, в Тибете их называются просто «плохим поведением» [3].

Дифференциация «китайского народа» и Коммунистической партии наводит на мысль о довольно наивном предположении, что Коммунистическая партия не служит китайскому народу, поэтому она находится у власти без поддержки населения Китая, подчиняя и угнетая его. Коммунистическому правительству приписывают типичный стереотип о том, что коммунисты подавляют своё население. И ценность заключается в предоставлении свободы своим меньшинствам, потому что общество, в котором соблюдаются права человека, неизбежно будет процветать. В противном случае, как предполагает теория либеральной истории на примере Советского Союза, страны, которые этого не делают, погибают.

Разница между взглядами США и Китая на роль государства занимает центральное место в развитии дискурса о КНР и в стратегии отчуждения Другого. Усилия Коммунистической партии по поддержанию своего суверенитета, социальной стабильности и целостности любыми доступными средствами рассматриваются как формы угнетения и злоупотребления властью и, таким образом, противоречат ценностям США. Например, Китай подавляет политическое инакомыслие, заключает в тюрьму политических активистов, которые разоблачают «Коммунистическую партию Китая и её тоталитарное злоупотребление властью» [6]. Для США непостижимо, как Коммунистическая партия может заключать людей в тюрьму за их ненасильственное продвижение мира: «Он [китайский лауреат Нобелевской премии] также получил обвинения в “подстрекательстве к подрыву государственной власти” и 11-летний тюремный срок. Нельзя пренебрегать суровой иронией: человек, преданный ненасилию, заключённый в тюрьму за содействие миру» [6]. Поведение Китая представляется как опасное и направленное против общих ценностей человечества — прав человека, таких как право на жизнь, свободу, на свободу выражения мнений. В дополнение к угнетению политической свободы Коммунистическая партия подавляет религиозные группы из страха, что они потенциально могут распространять политическое инакомыслие. Злоупотребления Коммунистической партии властью ещё более усугубляются её контролем над законом, что приводит к несправедливости и дискриминации тех, кто не согласен с партией: «Коммунистическая партия Китая продолжает отвергать идею о том, что верховенство закона должно вытеснить роль партии в руководстве функциями государства. Таким образом, адвокаты, юристы, диссиденты и другие часто оказываются под прицелом партии, преследуемые по закону, а не защищённые им, и у них нет возможности обратиться в суд» [6].

УЖЕСТОЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ДИСКУРСА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ, 2018–2021 гг.

2018 год считается «критическим», когда растущая экономическая мощь Китая начала влиять на США, как никогда раньше. Китай использовал свои экономические рычаги для дальнейшей изоляции Тайваня от таких международных организаций, как ВОЗ, и даже ограничил дискурс о Тайване в США, используя своё экономическое влияние на американские компании. Источник угрозы для США и их союзников коренится не в Китае как стране, а в Коммунистической партии, и опасность исходит от КПК из-за непримиримой вражды между двумя системами – демократической из США и китайской коммунистической тоталитарной.

Та же логика несовместимости переходит и в экономическую сферу. Растущее влияние Коммунистической партии начало пронизывать американо-китайские экономические отношения: «На вершине каждой компании в Китае, в зале заседаний каждой китайской компании находится Коммунистическая партия. Они действуют на общеправительственной основе. И это не только правительство; это также то, что мы считаем частным сектором. Но, по правде говоря, в Китае нет частного сектора; это всё рука правительства». Китайские компании стали угрозой национальной безопасности США и американского народа из-за их связей с Коммунистической партией. «Нам ещё многое предстоит сделать, и я подозреваю, что мы вернёмся вместе либо в банковском комитете Сената, либо в Сенате, чтобы попытаться защитить безопасность наших граждан и их частную жизнь от компаний, которые по сути являются оружием Коммунистической партии Китая» [6]. «И “Хуавей” и ЗТЕ являются не чем иным, как продолжением Коммунистической партии Китая. Генеральный директор “Хуавей” был инженером Народно-освободительной армии Китая» [6]. Это приводит к растущей секьюритизации экономического дискурса по Китаю, поскольку любая компания, базирующаяся в Китае или имеющая операции в Китае, так или иначе связана с Коммунистической партией Китая.

Опасность Китая исходит из различных идеологических основ государства, и то, как Китай ведёт бизнес, рассматривается как подрыв лидирующих позиций Соединённых Штатов в мире как воплощение наиболее эффективной экономики и политической системы: «растущий Китай – то, что всё больше и больше людей понимают, как угрозу. <...> Но что нам нужно признать, так это то, что они не ведут бизнес так, как Соединённые Штаты» [6]. Превосходство китайского подхода к экономике над либеральным подходом США несовместимо с либеральной идентичностью США: «Китай использует меркантилистскую торговую политику в интересах государственных и контролируемых Коммунистической партией фирм, нанося вред американским компаниям и работникам» [6]. Как следствие, чтобы решить проблему, США пресекают злонамеренное китайское влияние: «Чтобы противостоять Китаю и успокоить наших союзников и партнё-

ров, этот законопроект предлагает меры, направленные на то, чтобы запретить телекоммуникационным компаниям, связанным с разведывательным аппаратом Коммунистической партии Китая, вести бизнес с правительством США» [6]. В целом, 2018 год символизирует порог, когда США очнулись от своих либеральных иллюзий. Многие надеялись, что активное взаимодействие с Китайской Народной Республикой на экономическом и политическом уровне поможет ей превратиться в демократию свободного рынка. Эта надежда сейчас значительно потускнела. Кажется, что процесс идёт в противоположном направлении [6].

После моментов пробуждения 2018 года следующий год называют началом «эры Си Цзиньпина»: "мы находимся в эпохе Си Цзиньпина. Я не думаю, что мы не согласны с китайским народом, но мы не согласны с политикой Си Цзиньпина и Китая или Коммунистической партии Китая [6]. «В то время как наше правительство расширяет возможности своего народа, Китай подавляет свой народ, и именно поэтому я хочу поговорить об этом» [7].

Эта цитата отражает квинтэссенцию американского отношения к Китаю, которое оперирует проблемами индивидуальной свободы. Источник фундаментального антагонизма между США и Китаем связан с наличием разных, часто диаметрально противоположных, взглядов на отношения между государством и личностью: «Китай использует технологии, чтобы подавить своих граждан, чтобы заставить их служить Коммунистической партии. Наше правительство даёт возможность нашим людям полностью реализовать свой потенциал» [7]. Отношение к Коммунистической партии и китайскому народу как к отдельным образованиям помогает использовать основные либеральные принципы, согласно которым государство не должно иметь контроля над личностью: «Закон "О разведке" 2017 г. в Китае требует, чтобы любая организация или гражданин поддерживали, помогали и сотрудничали со службами безопасности коммунистического правительства Китая. Мы говорим не о китайском народе, а о Коммунистической партии Китая» [7].

Любое посягательство на свободу личности со стороны китайского правительства становится актом преступления против общечеловеческих ценностей, как их описывают американские конгрессмены: «К сожалению, можно провести параллели между китайским правительством, которое устроило резню на площади Тяньаньмэнь, и нынешним режимом президента Си и Коммунистической партии. Сегодня в Китае происходит официальное подавление правительством свободы слова, религии, передвижения, ассоциаций и собраний» [7]. В 2020 г. новый дискурс холодной войны о Китае набирает новую силу после жестокого неправильного обращения Китая с кризисом *COVID-19* и их кампании по дезинформации. Отсутствие достоверной информации и цензура в Китае действительно вызывает растущую и серьёзную обеспокоенность США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай и США имеют непримиримые ценностные различия. С одной стороны, США считают свои ценности универсальными и высшими, в то время как Китай - злым и варварским. Важным новым измерением является измерение истины (полноты). Раньше Пекин, по мнению консервативного крыла американского истеблишмента, аморально «обманывал», «нарушал правила», «манипулировал своей валютой». Однако Китай теперь скрывает правду о своих жестоких преступлениях против своего народа, и поэтому человечество в целом заставляет США возмущаться и отчуждать себя от Китая путём радикализации своего Другого.

Во время работы администрации Д.Трампа под влиянием Конгресса Соединённые Штаты во внешнеполитических дискурсах о КНР возвращаются к образам холодной войны. Китай с 2017 г. всё больше ассоциируется с коммунистической угрозой, которую раньше для западного мира представлял СССР. Чтобы акцентировать на этом внимание, в Конгрессе всё чаще стали упоминаться коммунистические атрибуты государства, правящей партии и лидера КНР Си Цзиньпина. Благодаря этому США могут не только оказывать давление на Китай в рамках экономической конкуренции, но и защищать американскую идентичность. Провал либерализации Китая и его подчинения как младшего партнёра в торгово-экономическом сотрудничестве нанёс существенный урон представлениям об исключительности американских ценностей и пути экономического развития.

ИСТОЧНИКИ

1. Zoellick, R. 2005. Whither China: From Membership to Responsibility. state.gov. available at: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (accessed 05.10.2021).
2. House of Representatives. Congressional Records. 114th Congress 2015-16. (<https://www.congress.gov/congressional-record/114th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
3. House of Representatives. Congressional Records. 115th Congress. 2017-18. (<https://www.congress.gov/congressional-record/115th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
4. House of Representatives. Congressional Records. 116th Congress. 2019-20. (<https://www.congress.gov/congressional-record/116th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).
5. Senate. Congressional Records. 114th Congress. 2015-16. (<https://www.congress.gov/congressional-record/114th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

6. Senate. Congressional Records. 115th Congress. 2017-2018. (<https://www.congress.gov/congressional-record/115th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

7. Senate. Congressional Records. 116th Congress 2019 – 2020. (<https://www.congress.gov/congressional-record/116th-congress/browse-by-date>) (accessed 05.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Караганов С.А. 2018. Как победить в холодной войне. *Россия в глобальной политике*. № 16(5), с.102-115. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (accessed 05.10.2021).

Козлов, В. О., Бочарова А.П. 2021. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит. *США & Канада: экономика – политика – культура*, № 10, с. 91-107. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016900-0-1/> (accessed 05.11.2021). DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Новиков, Д.П. 2018. Трамп и не только: революция без конца. *Россия в глобальной политике*. № 16(5) с. 157-172. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/tramp-i-ne-tolko-revoljucziya-bez-koncza-2/> (accessed 01.10.2021).

REFERENCES

Bacchi C. and Goodwin S. *Post-Structural Policy Analysis*. Palgrave, Macmillan US. 2016. 157 p.

Confucius. The Analects. china.usc.edu. Available at: <https://china.usc.edu/confucius-analects-13> (accessed 01.05.2021)

Doty, R. 1993. Foreign Policy as Social Construction: A Post-Positivist Analysis of U.S. Counterinsurgency Policy in the Philippines. *International Studies Quarterly*. 37 (3), pp. 297-320.

Foot, R. 2001. Rights beyond Borders: The Global Community and the Struggle over Human Rights in China. Oxford University Press. 296 p.

Foucault, M. 1972. The archaeology of knowledge. New York: Pantheon Books.

Foucault, M. 1996. Discourse, Discontinuity. *Foucault Live Collected Interviews, 1961-1984*. Ed. by S. Lotringer. New York: Semiotext. pp. 33-50.

Hansen, L. 2006. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. London: Routledge. 259 p.

Ikenberry, J. 2012. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press. 392 p.

Karaganov, S.A. 2018. How to Win in the Cold war? *Russia in Global Affairs*. [Как победить в холодной войне], 16(5), pp. 102-115. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (accessed 05.10.2021).

Mearsheimer, J. 2018. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven and London: Yale University Press. 328 p.

Bocharova A., Kozlov V. (2021). Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 10, pp.91-107. DOI: 10.31857/S268667300016900-0 (accessed 05.11.2021).

Novikov, D.P. 2018. Trump and More: Revolutions without an End. Russia in Global Affairs [Trump i ne tolko: revolutsija bez kontsa] 16 (5), pp. 157-172. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/tramp-i-ne-tolko-revoljucziya-bez-koncza-2/> (accessed 01.10.2021).

Nymalm, N. 2013. The End of the 'Liberal Theory of History'? Dissecting the US Congress Discourse on China's Currency Policy'. *International Political Sociology*. 7, pp. 388-405.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОЗЛОВ Вадим Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН (121069, г. Москва, Хлебный переулок, 2/3).

старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». 115035, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17

БАЯК Андраш, аспирант третьего года обучения департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д.17 стр.1

Vadim O. KOZLOV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Senior lecturer, School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Andras BAJAK, Post-graduate Student of School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 05.11.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 22.12.2021.